

ЗАХАР

ПРИЛЛЕПИИ

**ВСЁ, ЧТО ДОЛЖНО
РАЗРЕШИТЬСЯ...**

2013-2021

**ХРОНИКА ПОЧТИ
БЕСКОНЕЧНОЙ
ВОЙНЫ**

18+

Захар Прилепин

**Всё, что должно разрешиться.
Хроника почти бесконечной
войны: 2013-2021**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

Прилепин З.

Всё, что должно разрешиться. Хроника почти бесконечной войны:
2013-2021 / З. Прилепин — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-135840-2

В книге «Всё, что должно разрешиться» Захар Прилепин выступил не как писатель – но как слушатель и летописец, военкор и поставщик гуманитарной помощи на Донбасс, майор армии ДНР и советник главы республики Александра Захарченко. Перед вами – четвёртое, расширенное и значительно дополненное издание первой хроники войны на Донбассе. Кто первым взял в руки оружие и откуда оно взялось. Как появился на Украине Моторола и кто такой Захарченко. Как всё начиналось – и чем закончится. Концентрированная и сухая правда о донбасской войне: многое из написанного тут вы не слышали никогда – и едва ли бы узнали, если б не эта книга. Содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-135840-2

© Прилепин З., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Захар Прилепин

Всё, что должно разрешиться... Хроника почти бесконечной войны. 2013–2021

В оформлении переплета использована фотография агентства «РИА Новости» «Руины женского Иверского монастыря на окраине посёлка Весёлое Донецкой области» (фотограф – Сергей Аверин).

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая Pro Донбасс

На Донбассе купола церквей – тёмные. Гораздо темнее, чем в большой России.

Тёмное золото, будто бы замешенное с углём. Едешь на машине по Донецкой народной республике – и видишь: то здесь, то там вспыхивает тёмный купол.

Очень много разрушенных православных храмов. Наверное, надо пояснить, что стреляют по ним с той стороны – артиллерия, миномёты или танки Вооружённых сил Украины.

Порой храм стоит на открытом пространстве, его видно издали, как единственный головастый цветок на поле.

– Это не случайное попадание, – говорит мне мой спутник. – Часто осмысленно били именно в храмы.

Если быть точным: только на территории Донецкой республики разрушено во время войны семьдесят православных храмов. Пусть кто-нибудь попытается доказать, что это случайно.

В то утро мы выехали в компании главы Донецкой Народной Республики Александра Захарченко в кои-то веки не по делам боевым, а с мирной целью – вручить ключи от новых квартир жителям Дебальцево: там возвели 111 новых, очень симпатичных, домиков.

Неожиданный звонок на мобильный заместителю главы, с которым мы едем в его потрёпанной «Ниве». Поступает информация, что по дороге может быть покушение на главу. На Захарченко были совершены десятки покушений, о которых нужно написать отдельную книгу.

Информацию тут же передали главе и его начальнику охраны. Надо было отменять поездку.

Через три минуты от Захарченко передали: нет, едем. Просто сменим маршрут.

Маршрутов всегда закладывается несколько, каким именно поедет глава, не знает до последнего момента почти никто, или вообще никто – потому что за минуту до выезда сам Захарченко может принять новое решение.

В этот раз решение его – парадоксально. Мы должны были ехать в Дебальцево, делая серьёзный крюк, – чтоб держаться подальше от передовой. Но Захарченко то ли забавляется, то ли доверяет своему чутью: и мы летим по трассе, которая проходит ровно по передку.

– Вон дом видишь? – показывает мне зам главы. – Там украинские снайпера сидят. А вон их позиции... Вон в той зелёнке они тоже есть...

Но здесь нас, похоже, вообще не ждали.

На улице – солнечный декабрьский денёк, всё кажется безоблачным и мирным.

Смотрю на купола и вспоминаю, где уже видел этот тёмный свет.

* * *

Захарченко не курил только под капельницей. Когда нас познакомили – он не курил.

Раздетый по пояс, лежал на диванчике, в комнатке за своей приёмной. Рядом, за столом, сидели врач и медсестра, тихие и тактичные женщины.

Подкапывала какая-то животворящая жидкость, сразу из двух банок.

Разговаривая, Захарченко время от времени недовольно поглядывал на эти банки: ему казалось, что всё происходит слишком медленно.

Потом я заметил, что у него так всегда: жизнь должна двигаться быстро – нестись с такой скоростью, чтоб трава склонялась по пути, или запыленно взлетал потревоженный снег.

Наконец, его отцепили от склянок, он быстро встал и начал одеваться в свою почти неизменную «горку», которая, ничего не поделаешь, шла ему куда больше костюма и даже парадного кителя.

«Горка» была выстиранная, опрятная, но явно поношенная.

– Ты всю войну в ней прошёл? – спросил я. Прилюдно я буду обращаться к нему на «вы»; в неофициальной обстановке на «ты».

– А по ней видно. Зашитая-перешитая, подряпаная, потёртая. Её от пота, и от крови стирали. Когда в меня пуля попала, мне распороли штанину; потом зашили. И в берцах в этих я тоже всю войну проходил. Вот заплатку на берцах поставили – наши мастера сапожники.

Последний раз Захарченко был ранен в ногу, пуля прошла над самой пяткой – с тех пор он заметно прихрамывал.

«Надо же, – думаю, – оставил старые берцы».

Осталось непонятным: ходить в прострелянных берцах – это суеверие, или, что ли, бравада, или ещё что-то; может, просто берцы жалко.

– Поменяешь форму?

– Конечно, одену новую.

– Когда войны не будет?

Захарченко вешает на ремень нож, он всегда с ножом, и, быстро подняв взгляд, секунду смотрит на меня:

– Войны не будет? Будет. Как начиналась Вторая мировая? Тоже с таких вот непонятных конфликтов: то Польша, то Чехословакия, то Финляндия, то ещё что-то. А тут Донбасс, тут Сирия. Давайте смотреть правде в глаза. Мы сейчас врубимся по полной программе. Уже врубились. Исходя из опыта истории пройдёт несколько лет – и мы сцепимся. Всё, что должно решиться кровью и железом, оно решится кровью и железом, и больше ничем. Ты не сможешь убрать из СБУ¹ 70 % ЦРУшников без применения силы. Ты не сможешь убрать из их Минобороны всех заезжих советников.

Захарченко затягивает ремень, и уже по дороге в свой кабинет договаривает:

– Всё, что должно решиться войной, рано или поздно ею решится. Любая драка должна завершиться чьей-то победой или поражением. Если мы решим случившееся миром, то и я, и 90 % из тех людей, которые здесь остались, – все мы будем считать, что у нас украли победу. А те, которые там, – как они будут воспринимать нас? Если у них неправильное правительство, которое выбрало себе не тех союзников, и армия их неправильно себя вела, – это не может так закончиться, как сейчас. Мы с людьми на другой стороне – одной крови, и здесь не может быть выигравших и проигравших. Если ты нёс слова правды и проиграл – значит, возвращайся на другую сторону и стань победителем.

Я слышал в словах Захарченко противоречие: если нет выигравших и проигравших, то как можно стать победителем, но вместе с тем понимал, что никакого противоречия здесь нет: потому что он не говорил о победе над собственным народом.

– Возврат в нормальную жизнь должен сопровождаться изменением ценностей, – настаивал Захарченко, у него вообще быстрая речь, он словно не поспевает за своей мыслью. – Невозможно понять, что ты сильнее, пока не определишь, что ты сильнее. Пока ты сапогом своим не наступишь на горло и не скажешь, что я сейчас могу своим сапогом передавить тебе шею, либо я убираю свой сапог и поднимаю тебя – живи. Только живи по нашим законам, воспринимай нашу правду. Не хочешь? Вали в ту Европу, которую ты себе выдумал. Свобода выбора. Это моё мнение. Я не знаю, правильное оно или нет. Победа может быть разной. Можно завоевать всю Украину. Но, может быть, этого и не нужно делать. Потому что взятие Харькова или Киева будет сопровождаться большими потерями мирного населения. И на фоне этих убийств мы

¹ Служба безопасности Украины.

будем восприниматься как захватчики. Но здесь, на своей земле, мы должны показать силу оружия. Мы выгнали их, показали силу, встали на границе, хотя могли идти дальше. Хоть вы и разрушили наш дом, мы не звери, мы не суки, мы не пойдём разрушать к вам. Но то, что ваши сорок миллионов ничего не смогли сделать с двумя миллионами – это серьёзная вещь, это повод для огромного психологического надлома у населения там. Это горечь унижения, поражения. Понимания, что они не с теми воевали, что выступали в роли карателей, убийц и мародёров. Вот это да.

– То, что ты говоришь, это... на грани жестокости.

– Я не был жестоким в апреле 14-го.

* * *

На Донбассе мне приходилось бывать в самых разных качествах.

С лета 2014-го я занимался гуманитаркой, потому что не было сил на всё это смотреть, – и объездил на своём «Mitsubishi Pajero» весь Донбасс вдоль, поперёк, наискосок и обратно. Первый раз я заезжал на переполненном джипе и за мной шла забитая под завязку лекарствами «Газель», последний раз мы пригоняли уже три фуры плюс шла за нами бессменная «Газель», плюс ещё четыре гружёных джипа, и внушительная команда моих товарищей.

С сентября 14-го я курировал деятельности одного подразделения ополченцев в Луганской республике.

Тогда же начал работать как военкор, и мои репортажи публиковали газеты с многомиллионными тиражами.

Потом, в 2015-м, волею судеб, я получил приглашение на работу в администрации Донецкой народной республики, при Захарченко, которого в первый год войны не знал.

Помню, сообщил об этом военкору Жене Поддубному, моему замечательному товарищу, он с доброй иронией кивнул, пряча фирменную свою улыбку.

– Ну, береги себя.

– Что он, совсем безбашенный? – спросил я, будучи наслышанным о поведении Захарченко и в ситуации боевых действий, и в их отсутствие тоже.

– Вообще, – коротко и веско ответил Поддубный.

«Славно», – подумал я.

Я знаю все смены в лицо на таможне в Изварино и все смены на таможне в Успенке.

Я знаю поимённо половину контрабандистов на границе Луганской области; и они знают меня.

Когда я въезжал через Изварино первый раз – там были окопы и укрепления, и дальше, в посадках, пахло мёртвым человеком, а все обочины были заминированы.

Сразу после таможни ты попадал в удивительную реальность: разнообразные, похожие то на ангелов, то на демонов ополченцы, шахтёры и казаки, осетины и чеченцы, много оружия, громкие голоса, шутки, – все были весёлые, как на самой весёлой свадьбе. Я много раз замечал, что война – по крайней мере, пока нет стрельбы, – дело радостное и задорное; мужикам нравится.

Тогда было тепло, в первый раз.

Я помню осеннюю дорогу в Донецк. Знаю зимнюю дорогу в Донецк. Видел весеннюю дорогу в Донецк.

Всякий раз все чувства были заточены, яркие, зрение становилось объёмным, нюх – собачьим, и слышал я столько всего, сколько обычно не слышу.

Посадки и кусты видишь – кажется порой – насквозь.

Запах оружия – оружие тоже пахнет по-разному, запах формы, запах берцев, запах подбитого танка, запах недавно проехавшей колонны, запах блокпостов, запах разбитого асфальта, запах заброшенных полей, запах оставленного жилья.

* * *

В этот раз я проходил таможни – сначала русскую, а потом донецкую – ночью; ночью всегда мало народа; только машины, в основном фуры, стоят многокилометровой очередью.

Меня встречали двое старых знакомых – год, или даже больше назад, я видел их в качестве ополченцев; только недавно выяснил, что оба они из донецкого спецподразделения, где работали ещё до войны – ну и с тех пор, как война началась... парни продолжили работать по профессии.

Само собой, разговор – про самое главное: где и что случилось, случается и ещё случится на этой войне.

Речь пошла об иностранцах, что приехали воевать сюда.

Надо сразу пояснить, что и на ту сторону, и на эту – идут зачастую по идейным мотивам.

Но есть одна существенная разница: туда сразу же шли за деньги, а здесь – до какого-то времени – денег вообще не платили; только к 2015 году появились зарплаты – 14 тысяч в месяц, чуть больше или чуть меньше. По нынешнему курсу – двести баксов. Настоящих наёмников за такие деньги не бывает.

Та сторона наёмников набирала – в огромном количестве.

Эта сторона – принимала добровольцев.

Мои провожатые рассказывают, как в июле впервые увидели убитого негра – лежал на дороге, застреленный, огромный, отлично экипированный.

Больше всего – поляков. Только убитых – около пятисот человек.

– Потом прибалтийки, – рассказывает водитель. – Их, знаю, тридцать убитых. Снайпера. Многие – мастера спорта и чемпионки. Но у нас тоже есть мастера и чемпионы мира, – усмехнувшись, говорит он, но в подробности не вдаётся: такие фамилии не стоит лишний раз называть. – У Изварино были чешки... Часто у них – это уже вторая или третья война.

– А у нас? – спрашиваю я; хотя сам знаю многое, но всё знать всё равно нельзя. Мои провожатые статистики не имеют, поэтому просто вспоминают, кого где встречали в последнее время.

– Два финна в «пятнашке» сейчас...

– И один испанец...

– Француз был...

– Из Сербии приезжало много... В «Призраке» Алексея Мозгового целый взвод сербов был.

– Норвежцев видел!

На следующий же день я узнаю про погибшего за Донбасс немецкого добровольца – вся семья у него в Германии.

...Виляя по разбитой дороге, за разговором подкатываем к Донецку – сейчас внутренних блокпостов уже нет, дорога стала веселей...

Тем более что и машин нет – комендантский час. Донецк – сильный, широкий, самоуверенный, проспекты в сияющих фонарях: этот город всегда выказывал спокойствие – вопреки всему, что тут происходило и происходит.

– Здесь, – говорят на очередном перекрёстке, – семья угодила под обстрел. Миномётный снаряд ровно в машину. Мать, отец, ребёнок пяти лет. Все погибли. – Едем ещё некоторое время. – В эту больницу попадало. Метили в Министерство госбезопасности, а попали в больницу. Врач погиб.

Почти на каждой улице по такой истории. Если ставить памятники погибшим, изображая их в том виде, какими их застала смерть, – в любое время дня и ночи будет многолюдно: там бабушка с авоськой идёт, там люди стоят на остановке, там машина, полная людей, там трамвай...

А то и целый дом из мрамора, полный жильцов, которых уже ничем не испугаешь.

* * *

Как началась эта история, когда.

Сразу не поймёшь, с какого места начать, с какого митинга, с какого выстрела.

Или, что ли, с разговора.

Когда уже подъезжали к месту моего обитания в Донецке, водитель вспомнил, как к ним в спецподразделение, ещё до войны, привезли то ли на стажировку, то ли на обмен опытом бойцов с запада Украины.

– Те стремились страшно, – смеётся водитель. – А что у вас, в Донецке, спрашивают, реально разборки со стрельбой идут между районами? Утром вышел с нами на работу – а здесь всё чинно, девушки гуляют, первоклассники в школу идут, никто никого не кромсает. У него шок – натурально, шок: он не верит, ему сказали, что Донецк – это рубилово и месилово в постоянном режиме, пьяная гопота и никого другого.

«Ну, кто его знает, – думаю я, – может, паренёк был только из армии, а до армии жил в своей гуцульской деревне безвылазно».

Но вот с интеллигентными людьми на гуцульщине, года за три до войны, я имел разговор.

Там был директор музыкальной группы «Перкалаба», бородач, хохмач Алик – никогда не встречал Юлиана Семёнова, но, думаю, тот примерно так же «держал» любую компанию, и всех веселил.

Ещё был славный львовский парень Стас – красавец, высоченный, дружелюбный, обаятельный, он меня и зазвал отдохнуть; с ним была его подруга – вылитая певица Шакира.

Я был с женой.

Мы очень славно пьянствовали – собственно, только и делали, что пьянствовали, никаких других занятий у нас не было вовсе; по-моему, мы даже не покидали ресторан, а только плавно переходили от завтрака к обеду, а затем к ужину; яства были восхитительные, погода чудодейственная, Алик гомонил, дурачился, влез на фонтан и там, с громкими воплями, отмокал.

Никто не смел нам сделать замечание, но фонтан на другой день отключили, с утра он был сух и нем.

Идти там было особенно некуда – малопроходимый лес да неблизкие горы вокруг, и ещё горная речка, три метра в ширину. Один раз решили искупаться, я тут же камнем располосовал ногу; Стас, помню, очень бережно отирал кровь, смотрел, насколько глубоко я порезался.

Похромали обратно в ресторан. Я всерьёз хромал, Алик меня ласково передразнивал.

Тогда мы обсудили, наверное, все на свете темы, но я не помню ни одной – кроме той, что запала в память.

К слову о чём-то Стас и Алик начали говорить про донецких и луганских, и совершенно спокойно, время от времени поглядывая на меня – чёрт знает, что я там думаю, гость из России, – сошлись на том, что донецкие и луганские – это чужие, иные.

«Другая страна и другой народ», – сказал Стас, и Алик кивнул.

Я не стал ничего уточнять.

Да и слышал я это не в первый раз.

Ещё в середине «нулевых» Юлия Тимошенко предлагала обнести Донбасс колючей проволокой, чтоб эти чужаки не мешали жить остальной Украине.

Тимошенко, вспомнил я, мы тоже видели, прогуливаясь по Киеву вместе со Стасом: я, моя жена и он.

Юлия проезжала мимо на длинном чёрном лимузине.

Кажется, Стас как-то обозвал её; например, сукой. Тимошенко тогда уже потеряла свою популярность, полученную на первом Майдане.

Стас рассказал мне, что в Тимошенко нет ни капли украинской крови – армянка и еврейка, сказал Стас. Сам он, надо сказать, был наполовину еврей, наполовину то ли русский, то ли украинец, то ли ещё кто, поэтому называл себя гуцулом, чтоб не путаться.

Украинский писатель Юрий Андрухович тоже предлагал избавить страну от ярма Донбасса, отдав его России, – это было за несколько лет до войны. Тот самый Андрухович – любимец почтенной немецкой публики и активный грантоед, – который однажды порекомендует украинским мужчинам не спать с русскими женщинами, дабы не портить породу.

И Андруховича я видел, в Киеве: мы сидели за большим столом – несколько писателей из России, Алик из «Перкалабы» там тоже был, наверняка и Стас разливал что-нибудь, и вот явился Андрухович, прямой, тонкий, отстранённый.

Увидев такое количество русских писателей в одном месте, и меня в их числе, Андрухович не стал ни с кем здороваться, а встал поодаль: вид у него был, как будто на столе разложили гнилую рыбу, и сейчас все будут её жрать.

Кто-то подошёл и представил ему нас (а то он не знал): вот, мол, русские, и Захар вот...

Я в тот момент тоже стоял, и так получилось, что неподалёку от Андруховича, посему протянул ему руку. Пожалуй, из хулиганства: я же видел, как он взирал на нас, и решил посмотреть на дальнейшую его реакцию.

Андрухович судорожно пожал протянутую ладонь тонкими пальцами, и тут же ушёл, не сказав ни слова; казалось, больше всего он сейчас боится, что мы крикнем: «Юра, а на брудершафт? А за дружбу? А рыбки, Юра?»

После мимолётной встречи с Андруховичем я сразу понял, что такое – чужие, иные, другие.

Для Андруховича я был чужим.

Хотя, надо сказать, в те времена – это был 2010 год – я ни за кого на Украине не болел. Пусть майданят, как хотят, думал я, что мне за дело до них.

Друзья у меня в основном были из Киева или из Львова, ездил я к ним в гости почти каждый год, а в Донецке и Луганске ни разу не бывал.

Хотя утверждать, что ни разу ничего дурного я не замечал – тоже нельзя.

Помню, с женой шли по Крещатику, нам нужно было попасть на какую-то улочку неподалёку, мы пять раз спросили дорогу, специально выбирая интеллигентных по виду женщин, и все пять раз нам, очень доброжелательно, более того – нарочито доброжелательно, отвечали по-украински.

Я не говорю по-украински, и моя жена тоже. Киевские женщины отлично это видели, и, ласково улыбаясь, говорили медленно, чтоб мы лучше поняли. На русский они переходить не желали – хотя, конечно же, знали этот язык и, более того, говорили на нём большую часть своей жизни.

– Зачем они так? – в конце концов заинтересовалась моя жена, отличающаяся, надо сказать, повышенной политкорректностью.

Вечером я выступал на радио, фамилию радиоведущего я забыл, но мне потом сказали, что это очень известный в Киеве персонаж, один из народных лидеров прошлого Майдана. Интервью он вёл так, словно взял меня в плен, и я должен ему немедленно признаться, что заминировал поезд «Киев-Львов» и отравил воду в Днепре.

Я нехотя отругивался, стараясь всё свести к шутке; еле получалось.

Выйдя нас провожать, ведущий, с некоторой неприязнью, вдруг предложил нас подвезти – ну, давай, согласился я, о чём через пять минут уже пожалел.

Разговор он начал сам, с того места, на котором мы якобы остановились, хотя мы об этом даже не говорили.

– Киев старее вашей Москвы. Когда Киев стоял – на месте Москвы росла травка.

«Ну так Новгород или Псков не моложе Киева», – лениво думал я, но, конечно же, не отвечал: а то высадит ещё.

Жена иронически поглядывала на меня: она стала привыкать к подобным украинским развлечениям.

– Мозги полощите – у всех донецких мозги загажены, – всё ваша работа, – сердился на меня наш водитель, продолжая разговор, который я не начинал.

«В Донецк надо съездить, наконец, – думал я, – хоть посмотрю на этот страшный человеческий подвид».

– Научили вас языку, воевать вас научили, веру вам дали – думать бы ещё научить вас, – продолжал наш добрый рулевой.

– ...это да, – сказал я, рассеянно глядя в окно.

Жена положила свою ладонь мне на руку и время от времени сжимала мои пальцы: «только ничего не отвечай», – подавала она мне сигнал.

Едва ли можно сказать, что все нами встреченные украинцы вели себя именно так. Но я не совру, сказав, что подобные ситуации приключались ежедневно. Будто по городу стремительно размножился какой-то вирус, и каждый третий стремился о меня почесаться тем местом, что у него чешется.

В другой раз, уже во Львове, я пошёл поменять валюту, отстоял очередь в кассу, сказал операционистке, что мне нужно, она ответила: не разумею. Девушке на вид было лет восемнадцать, она могла и не знать русского.

За мной толпилась очередь, длинная, человек в двадцать, я оглянулся и попросил мне помочь. В очереди были молодые парни и взрослые мужики, были деды и были пожилые жительницы Львова.

Никто не шелохнулся и не ответил ни слова.

– Помогите, будьте добры, а то не могу девушке объяснить, что мне нужно, – повторил я, ещё не очень веря, что всё обстоит настолько грустно. Эти люди в очереди – они точно слышали меня, и большая часть понимала, о чём я их прошу.

Реакции, между тем, не было никакой.

– Ну вы и поганцы, – сказал я, и пошёл. Бить меня никто не стал.

На другой день я улетал из Львова, Стас пришёл меня провожать, принёс в качестве шуточного подарка профиль Сталина, тяжеленный, из какого-то металла.

Я закинул подарок в чемодан и сдал в багаж. Через десять минут меня вызвал железный репродуктор аэропорта в таможенный пункт полиции.

Я нашёл эту комнатку. Там, на столе, грустный как гроб, лежал мой чемодан, ещё закрытый.

В комнате находились двое полицейских, или таможенников, я теперь уже не помню, оба в белых рубашках без рукавов – было лето, – один прапорщик, другой лейтенант. Здоровые как кабаны, лет по сорок пять, типичные, как из фильмов про бандеровцев, на сале вскормленные ребята.

– Что у вас в чемодане? – весело спросили они.

– Вещи. Ноутбук... Книжки.

Дали мне листок: пишите, что у вас есть. Я написал то, что помнил.

– Открывайте чемодан, – велели они. Я открыл.

– Это что? – спросили они, и тут же, как в отрететированной юмореске, начали оба смеяться.

Им было ужасно смешно, они никак не могли успокоиться.

Наверху лежал профиль Сталина.

– Сувенир, – сказал я. – Товарищ подарил.

– Из чего? – всё так же смеясь, и весело переглядываясь друг с другом, спросили они.

– Откуда я знаю, точно не золотой, видно же.

– А почему не задекларировали? – еле успокаиваясь, поинтересовался у меня лейтенант.

– Это сувенир, подарок. Они у вас на центральном рынке гроздьями висят. Их надо декларировать? Простите, я не знал.

Они снова захохотали. Видимо, сегодня я был на редкость остроумен.

– Мы передаём ваше дело в суд. Изымаем ваше имущество, и передаём в суд. Вы задерживаетесь до суда, – наконец, объявили мне они.

– Это шутка такая? – спросил я, чувствуя, что голос у меня пропадает.

Лейтенант снял фуражку, вытер пот, и ответил:

– Никаких шуток, понял?

– Стоп, стоп, стоп, – сказал я. – Давайте иначе построим разговор... Господа полицейские, как мне решить эту проблему?

– А на коньячок кинь нам, – просто сказал прапорщик.

– У меня есть одна тысяча рублей, я могу её отдать, – быстро ответил я.

Полицейские переглянулись.

– Мало, – совершенно спокойно сказал прапорщик.

«Этот чёртов Сталин стоит пятьсот рублей на рынке», – вспомнилось мне не очень кстати.

– Две тысячи, вот, – сказал я, извлекая две купюры из кармана, и с неприязнью чувствуя, что у меня вспотела рука.

– До свидания, – ответил мне прапорщик, взяв, не глядя, купюры, и тут же убрав их в просторный карман полицейских, с лампасами, брюк.

– А чемодан? – спросил я.

– Мы сами отправим, – сказали мне.

– Берегите себя, – пожелал я, выходя.

– Всё у вас, москалей, не так, – пробурчал прапорщик, закрывая за мной дверь с равнодушным видом.

«Такое откровенное разводилово! В аэропорту! Крупнейшего, как они это называют, европейского города!» – восклицал я мысленно, весь в треморе и раздрае.

Денег мне было не жалко – но я поверить не мог, что так возможно поступать: ничего не опасаясь и ни о чём не волнуясь! И этот их, ещё, хохот. Отвратительно. Просто отвратительно.

Едва ли надо объяснять, что со мной так себя вели, потому что я был человек с российским паспортом. Если б на моём месте оказался украинский писатель Андрухович, ничего подобного не случилось бы никогда.

Но всего забавнее был случай, когда мы с женой уезжали из того же Львова, годом раньше, или годом позже, на поезде.

У нас было купе, с нами ехала пара – судя по всему, муж и жена, только постарше нас лет на десять.

Едва тронулись, мы у них спросили, сколько идёт поезд.

Они отвернулись и не ответили. Жена моя ещё раз, на всякий случай, повторила заданный вопрос, – весь скривившись, наш сосед пробурчал что-то невразумительное на мове, и мы оставили их в покое.

Так, не обменявшись и словом, проехали весь путь.

В Москве, не попрощавшись, вышли, и отправились, как я было подумал, каждый в свою сторону.

Через три минуты в метро меня кто-то ловит за плечо и тут же, слёту, спрашивает:

– Не подскажете, а до Арбатской как добраться?

Смотрю: а это мой сосед по купе, который не разумеет ничего, и жена его с ним.

– О, – говорю, – что за встреча! Уже выучили язык?

...Мне сейчас бросятся рассказывать, что в Киеве каждый второй говорил по-русски, и во Львове таких случаев не было никогда, потому что быть не могло, – ой, я знаю, знаю, и про щедрость украинцев всё знаю, и про их сердечность, и по-русски со мной тоже чаще разговаривали, чем нет...

Тем не менее, все эти истории я, к сожалению, не выдумал, не было такой нужды; более того – подобных случаев произошло со мной куда больше; но даже вспоминать о них брезгливо.

И если со мной произошла дюжина таких историй, то с десятью людьми из России – уже сто, а с сотней – вся тысяча, а с тысячей – тысячи. И это был уже не симптом, а диагноз: внутри милого, доброго, чудесного братского народа – чья кровь течёт и во мне – поселились бесноватые люди.

* * *

Вялая русофобия сплеталась с куда более жёстко очерченной неприязнью к Донбассу – о которой я тогда ещё толком не знал, но отлично знали другие.

Андрей Манчук, украинский «левак», мой знакомец, ещё в сентябре 2011 года опубликовал статью «Донбассофобия», позволим себе процитировать её.

«“Спасибо жителям Донбасса за президента-пидораса!” Этот слоган, который скандировали с трибун несколько сотен болельщиков киевского “Динамо”, стал лозунгом и паролем нынешней оппозиции правящему режиму. В последние недели его можно слышать буквально отовсюду – из уст Юлии Тимошенко, в эфире телевизионных шоу и в интернет-комментариях национал-демократических офисных клерков. Почти каждый раз эти слова срывали аплодисменты патриотической публики – будь то дружные хлопки в студии у Шустера или несчётное количество одобрительных “лайков” на страницах фейсбука.

То, что эту фразу впервые озвучили фанаты столичного клуба, трибуны которого давно стали средой легального развития нацистского движения, никоим образом не смущает записных патриотов. Они на полном серьёзе рассматривают её в качестве удачного и остроумного вызова системе, совершенно игнорируя оскорбительный, расистский контекст этих слов.

Позорный комплекс “донбассофобии” впервые проявил себя во время оранжевых событий конца 2004 года...

“Не ссы в подъезде – ты же не донецкий!”

Не будем скрывать – эти слова пользовались массовой популярностью в те незабвенные квазиреволюционные дни...

В те дни я много раз слышал шуточку о “подъездах”. Её с удовольствием повторяли мои знакомые. Они вполне искренне считали “донецких” пассивным покорным “быдлом”, полудикими “орками” подземного украинского Мордора – противопоставляя их “граждански сознательному” и “свободолюбивому” населению других регионов.

Большинство этих людей знали о Донбассе лишь понаслышке – а мне приходилось бывать в этом регионе, останавливаясь в рабочих посёлках, спускаясь в шахты и участвуя в акциях протеста на рубеже нового века. Я знал, что, когда киевляне пассивно сносили притеснения новых хозяев жизни, шахтёры шли маршами на столицу, иногда в сопровождении своих жён и детей. В то время они выбивали себе зарплату дружным стуком касок или блокированием дорог. Ещё в 1998 году, в день независимости, когда в Киеве гремел обычный пивной концерт,

рабочие в центре Луганска по-настоящему дрались с ОМОНОм, который напустили на них испуганные протестом власти, – развенчивая миф о “забитом”, “покорном” Донбассе».

«Донбассофобия несёт в себе выраженный социальный подтекст, – писал Манчук. – “Интеллигентная” офисная публика (включая выходцев из восточного региона, которые с усердием неофитов утверждают в культурной ненависти к собственным землякам) нередко третирует жителей Востока именно в качестве стереотипного “рабочего быдла”, намекая на пролетарский социальный состав этого региона, который приобрёл в глазах либералов образ эдакого “совкового” заповедника. Среднестатистический житель “индустриального” Донбасса стоит в их понимании на нижних ступенях социально-культурной лестницы...»

У Манчука имеется и ещё более ранний текст, написанный и опубликованный в мае 2009 года, где он, хоть в мраморе выбивай, формулировал: «Можно не сомневаться, что, выступая под лозунгами целостности, соборности и суверенитета, национализм всячески способствует распаду Украины – прекрасной страны, которую так плохо знают заклинающие её именем шовинисты».

И далее: «Это ирония мстительной истории. И в том, что под громкие крики о великой Украине мы превратились в помойную яму европейского континента, есть вполне определённая логическая связь. Как оказалось, специфическое понимание любви к Родине, отождествляемое с враждебностью к инородцам, отнюдь не приносит благосостояния представителям “титупной нации”... Иллюзорные патриотические фантазии, навеянные и навязанные нашему обществу, всегда использовались в совершенно конкретных и рациональных целях».

Мысль о том, что постсоветский национализм – нужен и выгоден в первую очередь буржуазии, не нова. Другой вопрос, что и буржуазные элиты, и средний класс, и многие представители интеллигенции искренне убедили себя в своей европейской избранности – которой оказались недостойны целые регионы Украины.

Тексты Манчука, как мы видим, не были написаны задним числом, три года или пять лет спустя, чтоб объяснить начавшийся кошмар. Написанное им, да и не только им, скучно ждало своего часа.

Иллюстрацией к текстам того же Манчука могли бы послужить тысячи высказываний замаяданных блогеров и десятки текстов, появившихся, как правило, в киевских печатных или электронных СМИ зимой 2014-го, в разгар революции.

Вот, навскидку, один из них: «Суровая правда Донбасса в том, что иначе выжить как при хозяине и твёрдой руке эти люди не могут. Многим из них довольно низкий уровень интеллекта не позволяет найти себя в бизнесе, творчестве или креативных профессиях.

Если посмотреть на их политические убеждения, то вы увидите перед собой в сущности детей, которых ещё надо опекать и вести по жизни в независимости от возраста».

Эта блажь (опубликованная под названием «Как решить проблему Донбасса?») завершилась мощным аккордом: «Просто эти люди имеют гораздо меньший эволюционный возраст, чем украинцы».

Заметим, что ещё в 2013 году Донецк давал 20 % от всего промышленного производства Украины. В Донецкой области проживало тогда 4,4 млн человек: то есть, десятая часть населения страны обеспечивала пятую часть производства и приносила 30 % валютной выручки Украины. Орки, что сказать.

Когда уже отгремел Майдан в Киеве, и Янукович сбежал, – начались серьёзные волнения в Донецке.

В первый день марта 2014 года на митинг собралось 50 тысяч человек. Вся площадь была в триколорах Российской Федерации.

Тогда в Донецке, откуда не возьмись, объявился Павел Губарев – здоровый, головастый парень, работавший рекламщиком; русский патриот, одновременно и «левый», и «правый»; самоуверенный, медвежий, то поражающий замечательной точности наблюдениями, то гово-

рящий сущие банальности – но в любом случае открытый, бесхитростный, мужественный и упрямый.

1 марта его избрали народным губернатором Донецка (а уже 6 марта он был арестован сотрудниками СБУ и увезён в Киев).

Чаще всего люди на том митинге кричали: «Россия!», «Русские вперёд!». Были заметны две огромные растяжки: «Свобода русскому языку!» и «Донбасс с Россией!»

Что ж, Андрухович, пожалуй, не зря предлагал заранее отделить Донбасс.

Мои собутыльники – Алик и Стас – тоже не обманывались в некоторых своих представлениях о донецких.

Все они были правы.

* * *

Мы возвращались в Донецк с очередного выезда. Захарченко вёл машину сам – он иногда пересаживался за руль, и ехал в замыкающем колонну джипе; или ещё как-нибудь, вопреки правилам.

– Ты никогда не задумывался, отчего с той стороны однажды начали считать, что вы здесь, на Донбассе, тёмные люди? – спросил я.

– Мы ватники и бандиты, мы все сидевшие, и все необразованные, ничего у нас нет, и театры у нас плохие, – как сто раз слышанное повторил Захарченко, не без удовольствия управляя машиной: ему очевидным образом куда больше по душе быть водителем, чем пассажиром. – Смотри: если из человека в глазах другого человека сделать неуча, ниже его по классу и статусу, то, к примеру, крестьянин из Полтавской области будет сидеть в дерьме, но думать, что он сидит на золоте. – Захарченко круто повернул и продолжил:

– Они... – я не знаю, кого конкретно называл Захарченко «они», но не думаю, что это нужно было уточнять, – ...политически подняли самооценку тех территорий, которые разделяли их взгляды. Затем они сказали: мы образованные, мы хотим в Европу, а эти неучи хотят быть ближе к России... Понимаешь, их гастарбайтеров в Европе держат за третий сорт – за счёт нас они пытаются компенсировать своё ущемлённое самолюбие и гордость.

– А донецкий характер? Есть такая штука? Что в этом характере главное?

– Самопожертвование. На знамени организации, которую я создавал – «Оплот Донбасса», – написано: «Нет уз святее товарищества». Друг – за друга, благодаря этому и держались.

– Отношение к своему народу за полтора года изменилось?

– Гордость – она всю жизнь была за Донецк. Я могу проехать по любой улице и сказать, где какой дом когда строился, кто его строил. Почти все памятники – я знаю архитекторов. Я тебе расскажу, какие цветы здесь посажены, какое количество роз у нас. Какие бои шли в 41-м году, какие в 42-м, какие в 43-м. На Украине только два города таких. Львовяне гордятся своим Львовом, дончане гордятся Донецком. Запад и Восток. Всё – больше на Украине таких городов нет.

– А самоопределение – мы донецкие или мы русские, – как с ним было у вас?

– Мы всегда воспринимали себя русскими. Всю жизнь.

* * *

Спросил однажды у Захарченко, а как он реагировал, когда всё это только-только началось: осень 2013-го, Майдан, студенты, желающие в Европу... Равнодушно пожав плечами, ответил, что никак.

Занимался своими делами.

Они тогда хотели с женой завести ребёнка, забеременеть – и не получалось. Только этим и были озабочены. А Майдан... бес бы с ним. Сколько раз уже подобное происходило к тому моменту.

Я, впрочем, знаю, кто видел начало Майдана своими глазами и очень близко. Один из замов Захарченко.

Заметил одну вещь: если на Донбассе какого-то человека, знакомясь, видишь сразу в форме – тебе кажется: твой новый знакомый родился таким, иным он и не может быть – только военным.

Но если в первый раз увидишь человека в «гражданке», да ещё в чиновничьем кабинете, сложно переключиться и представить его в «комке», с оружием.

Дмитрия Трапезникова, первого зама руководителя администрации главы ДНР, я увидел таким: в разноцветном, серый с белым, свитере, под свитером рубашка; чуть полноватый, невысокий, с залысинами; по типу: глава какого-нибудь технического отдела.

Для сравнения: когда видишь Захарченко – минуту думаешь, что перед тобой офицер спецподразделения, другую – что шахтёр, третью – что бандит, а в четвёртую все варианты смешиваются, и вообще не знаешь, что думать.

Для Трапезникова всё это нехарактерно.

Он – идеальный чиновник, в лучшем смысле этого слова. Полный порядок в голове, полный порядок на столе, весь отлаженный и аккуратный, как таблица умножения.

Мы с ним несколько раз решали вопросы по доставке гуманитарки; так однажды и разговорились.

Выяснилось, что Майдан Трапезников встретил в качестве гендиректора торгового дома с длинным названием: что-то там «...внешторг Украина». Торговый дом располагался в Киеве.

– Это здание Укркооперации Украины – 402 рынка на территории Украины, 20 000 магазинов, множество заводов и фабрик входило в ту структуру, где я работал. Я занимался государственными рынками и магазинами, – говорит Трапезников. – Окно моего офиса выходило прямо на Майдан. И все события проходили прямо под моим окном.

Я каждый день приезжал на работу, въезд был со стороны Грушевского, – получается, ещё и по дороге изо дня в день я наблюдал развитие этой истории. Когда первый БТР сожгли – я сам видел это. Все баталии и драки происходили на моих глазах. Вот даже фотографии вам сейчас покажу. У меня всё сохранилось... – Он достаёт телефон и листает фотоархив: сначала много детских фотографий – видимо, дети Трапезникова; наконец, появляется Майдан – всем знакомые опалённые, растерзанные виды. – В начале студентов туда привели целой командой, чуть ли не под палками – надо!..

А потом появились особого вида люди: видимо, какие-то силовики. Следом, судя по всему, инструктора. Они стали готовить молодёжь – сейчас покажу, фотографии есть, – каждое утро у них тренировки были: отрабатывали противостояние «стенка на стенку». Все строятся, потом разделяются на две части. Одни ложатся на землю, руки за голову. Другая толпа бежит на них. Первые должны успеть подняться и отбежать от толпы, чтобы их не затоптали. Появились у них деревянные щиты. Мы тогда ещё не поняли, что это. Фанера в руках, и они тренируются – бросают что-то друг в друга. Потом уже, конечно, поняли: когда началось «беркутами» столкновение, и они «коктейли Молотова» бросали.

Как делали «коктейли Молотова», мы тоже видели. Снег же тогда был, сугробы всюду. Им привозили канистры, они разливали топливо, засовывали тряпки, всё паковали пробочками, и прятали бутылки в сугробы. То есть готовили батарею, чтобы потом сражаться.

Был такой депутат Верховной рады по фамилии Гриценко. Он тоже приезжал, инструкции раздавал, что и как. Было ясно, что идёт определённая политическая игра. Когда «беркута» в наступление пошли, зачистку делать, они дошли от Майдана аж до поворота в сторону Верховной рады и кабмина. Но потом их обратно отжали до площади. Я однажды спустился вниз

и «беркутов» спросил: почему вы их полностью не раздавите? Они говорят: не дают, отзывают назад. Так бы мы, сказали «беркута», разогнали весь Майдан. Видимо, Янукович боялся чего-то более страшного...

Всех приходящих на Майдан кормили. С первого дня стояла огромная сцена. Ежедневно всё начиналось с того, что в девять утра там включали гимн Евромайдана – есть такой гимн, слышали? – я отрицательно кручу головой: Бог миловал. – Священники там были постоянно...

Мне рассказывали про врача «Скорой помощи», который по работе постоянно приезжал на Майдан – вызовы шли один за другим, изо дня в день. Врач уверял, да и не он один, что основной контингент Майдана – с западной Украины, а они – греко-католики, и называл одну цифру, мне запомнившуюся: двадцать пять священников греко-католической церкви ежедневно дежурили там; это уже серьёзно.

Православные священники, стоит уточнить, на Майдане не дежурили; по крайней мере, пока никто об этом ничего не говорил.

– Политики, само собою, появлялись, – продолжает Трапезников. – Развлекательные коллективы пели и танцевали. Но, в принципе, какой-то огромной массы людей, приходящих послушать, – не было. Была, назову так, искусственная масса.

Собравшиеся там делились на сотни. Имелись свои медпункты. Были места, где в казанах готовили еду. Причём раздавали еду всем без разбора – в сотне ты, или просто гулял неподалёку. Любой желающий мог подходить, и там – колбаса, бутерброды, каша, супы, – целый день. Представь себе масштабы финансирования.

Что меня ещё удивило: Софийская площадь наверху – и там гаишники могли бы перекрыть подъезд, и всё: никто бы туда не попал. Но вместо этого постоянно заезжали микроавтобусы, вот такие вот, – Трапезников показывает мне фотографию, – каждый микроавтобус был резиной забит, покрышками. И разгружались. Если б проезд перекрыли – нечего было бы жечь, нечего было бы есть: жизнеобеспечение Майдана прекратилось бы, и он потерял бы свою силу. Но этого не происходило.

...И что они делали. Как только начинается наступление «Беркута», они в пять-шесть рядов укладывают покрышки, разливают в них горючую жидкость, поджигают – и вот уже стоит стена дыма. Видимость никакая, и – начинают камни, «коктейли Молотова» лететь в «Беркут».

Один из дней, помню, был очень страшный. У нас в здании первый этаж стеклянный был, и нам говорят: ожидается эвакуация, они будут заходить в здание, всё ломать.

(Я вдруг замечаю, что Трапезников никакого определения для участников Майдана не использует – восставшие, майдановцы, революционеры, да какое угодно, – называет их просто «они», говоря будто бы о чём-то глубоко постороннем, отдельном, по некоторым причинам даже не нуждающемся в имени.)

– Людей эвакуировали, и мы остались с ребятами в здании у меня на этаже. Как раз в тот день, когда автобусы жгли милицейские, они отступили до поворота. Мы ночью ушли – умудрились пробраться сквозь весь этот хаос. А утром нам говорят: всё, горит Дом Профсоюзов, творится что-то страшное. Мы поехали забирать машину – я машину во двор загнал, потому что на улице все машины переворачивали: делали стенку, чтоб «беркута» не попали в них, когда стреляли резиновыми пулями. Прибыли мы, «беркута» уже прошли вперёд, с Майдана всех отогнали. Стоят сожжённые автобусы, тушат Дом Профсоюзов. В кабинет я заглянул, а там всё в пепле, чёрное – визуальное всё цело, но так как вокруг шли пожары, даже у меня в кабинете пеплом и гарью всё покрылось. Забрали мы автомобиль и уехали в этот день. А потом к нам на первый этаж ворвалась сотня, уже не помню какая – шестая или третья. И они говорят: всё, теперь мы в этом здании будем базироваться. Сейчас по фотографиям восстановим дату... Это было начало марта. Вот, смотри: на фотографии кабинет мой, а это Майдан в окне. Вот это биотуалеты, палатки их. А это уже Дом Профсоюзов... Вот плитку они снимали, чтобы грунт открылся, и можно было закапывать что-нибудь... Вот здесь прятали «коктейли

Молотова»... А вот Крещатик. Вот здесь – наше здание. Вот несколько уровней их баррикад. Причём разбирали они всё подряд: знаки, столбы, решётки на окнах. И всё это ставили под наклоном: на тот случай, если на баррикаду кто-то полезет. Арматуру, рекламные щиты закидывали, чтобы техника не прошла. Все магазины, все кафе разнесли – мародёрство полное – первый этаж в нашем здании разобрали начисто. Они и к нам явились. К ним вышел председатель Укрпотребсоюза, директор. Они условия поставили: мы хотим здесь базироваться, нам нужны компьютеры.

Директор им говорит: я буду давать вам деньги, только на остальные этажи не ходите и не мешайте работать. И он им выдал, по-моему, 25 тысяч долларов, вынес наличными – и они никуда больше не лезли. Потом появилась другая сотня. Директора вызвали на переговоры в какой-то ресторан. Он приехал. Они говорят – с тебя такая-то сумма денег, иначе мы заходим на этажи здания. Директор ту, предыдущую сотню вызывает и говорит: «Слушайте, вы разберитесь там между собой». Так случился конфликт между одной сотней и другой – драка была за то, кто установит влияние над зданием. Такое кино... Тогда я и уехал.

– Дмитрий, а вы откуда родом вообще?

– Родился в Краснодаре, в 1981 году, вырос в Донецке. У матери все родственники в России живут: Самара, Оренбург, Анадырь, Сургут, Питер, Краснодар.

– В детстве себя воспринимали как украинца или как русского?

– Если от Донецка отъехать в сторону, в село какое-нибудь, там люди разговаривают, особенно те, кто постарше, на суржике. У них такой язык – и не украинский и не русский, ломаный. Они по-деревенски употребляют какие-то украинские слова – в том числе и потому что в школах украинский язык учили. А в городах: ну, где вы слышали в Донецке, чтобы на украинском языке разговаривали? У нас население было ближе к России. Помню, мы в школе учили украинский язык – но я его совсем не употребляю. Я вообще его не понимал, даже ломаный. Если двигаться на запад от нас, дальше, Полтава та же, то там они в городах иногда и на украинском языке разговаривают. Хотя многие из них всё равно говорят: мы с вами, с донецкими и с луганскими. Когда на Майдане все эти события начались, один из моих партнёров, учредитель завода, звал меня в Полтаву: приезжай, говорит, там директором будешь. Я ему говорю: нет, всё, еду на родину, мы там нужнее. Он мне иногда звонит: болеет за нас.

– В той сфере, где вы работали, у вас там порывался кто-нибудь пойти на Майдан? Были какие-нибудь близкие приятели, которые начали отстаивать правоту восставших?

– В той организации, о которой я рассказывал, работало процентов 75 киевлян. У них, знаете, даже образ жизни не такой, как у нас в Донецке, более размеренный, спокойный. Это у нас ритм – давай, давай, давай, надо что-то создавать, что-то менять. Когда я там по— явился, помню, подумал, что мы попали в поздний Советский Союз – только с мобильными телефонами, – когда у человека четко в 12:00 обеденный перерыв, когда он не спешит делать свою работу. Мы, приехавшие из Донецка, конечно, всё это меняли в корне. Мы понимали, что это госструктура, но можно эффективнее работать. Но из всех тех, с кем я там познакомился и подружился, я не видел ни одного, кто пошёл бы на Майдан. Все, наоборот, плевались: вот, намусорили, всё испоганили. Поэтому, когда говорят, что киевляне дружно встали, пошли и поддержали что-то – это всё ерунда. Ну, были, наверное, какие-то определённые категории людей, но из этого конкретного семиэтажного здания не выходил туда никто.

* * *

Кто-то с мрачным остроумием назвал «небесную сотню» – людей, погибших на Майдане, – гекатомбой. В Древней Греции так называлась богатая жертва богам – убийство сразу ста быков.

Несчастливые люди – погибшие за что? Каким богам эта жертва?

Говоря о первых результатах победившего Майдана, чаще всего вспоминают как, едва дорвавшись до власти, новая Верховная рада отменила закон «Об основах государственной языковой политики», в соответствии с которым русский язык имел статус регионального.

Разразился неприятный скандал, докатившийся даже до Европы. Яценюк что-то там мямлил о том, что русскоязычным гражданам ничего не угрожает, Турчинов, ставший и.о. главы государства Украины, увидев шумную реакцию, закон не подписал, однако было поздно – сразу стало ясно, что там особенно чешется у новой власти.

Если Россию и русских отменить как факт нельзя, надо хоть язык придавить, причём даже не во вторую или в третью очередь, а в первую.

Просто феерическая дурь, объяснению не поддающаяся, была тогда продемонстрирована. Дурь людей, которые в своём кругу изъясняются исключительно на русском языке.

Так ведут себя дети, без родителей оставшиеся: а-а-а! Сейчас мы всё здесь раскрутим, изломаем и немного подожжём, и ничего нам за это не будет!

Фарисейство российских либералов границ почти не имеет, но тут даже они сдержанно вздохнули: помню, как Максим Виторган, актёр, блогер и по совместительству тогда ещё муж Ксении Собчак – иконы российского прогрессивного общества и активной сторонницы Майдана, – написал в блоге, имея в виду Верховную раду: «А взрослые люди среди них есть?»

Однако на фоне этого закона почему-то часто забывают о другом, принятом революционной, оставшейся без родителей, Верховной радой, в тот же, первый день работы, 22 февраля.

А именно: они немедленно отменили закон, который предполагал наказание за «публичное отрицание или оправдание злодеяний фашизма» и «пропаганду нацистской идеологии».

Видимо, дышать было нельзя, пока этот закон существовал. Как колодка на ноге он висел. Иначе зачем такая спешка?

Отменила рада и закон, касавшийся «ответственности за осквернение или разрушение памятников, воздвигнутых в память тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны, советских воинов-освободителей, участников партизанского движения, подпольщиков и жертв нацистских преследований».

Потому что – как строить новую свободную страну с таким законом? Как ходить по улицам, смотреть людям в глаза, если может иметь место ответственность за разрушение каких-то там памятников? Нет, этого нельзя допустить.

Сколько потом стояло крика и плача, что новую украинскую власть, принёсшую стране свободу на Майдане, оболгали!

Но как можно оболгать – такое?

Зачем вообще что-либо по их поводу лгать, если люди сами снимают на всеобщее обозрение свои порты, и так стоят: вот мы какие, взгляните, нравится?

* * *

Весь март в Донецке, Луганске, Харькове, Одессе шли массовые антимайданные митинги. Воссоединение России с Крымом (можете называть это аннексией, агрессией или захватом – это всего лишь слова; всякий может использовать по вкусу любое) подействовало на миллионы людей Юго-Востока оглушительно: многие и многие были уверены, что завтра подобное произойдёт и с ними, у них.

Наверное, однажды кому-нибудь надо будет объясниться, почему этого не произошло.

Впрочем, уже сегодня можно попробовать представить себе дугу от Харькова до, к примеру, Одессы. 547 км! На этой территории живут миллионы и миллионы людей, больше, чем во многих европейских странах, или даже в целом букете из нескольких небольших европейских стран.

Никакой гарантии, что все эти люди настроены пророссийски, – не было. Напротив, многие из живущих на этих землях украинцев были настроены антироссийски.

Не большинство, но очень и очень многие. Статистики мы не имеем и едва ли её когда-нибудь получим, но очевидцы традиционно замеряли ситуацию предельно просто: полгорода «за», полгорода «против» – например, в Одессе, две трети населения «за», одна треть «против» – скажем, в Харькове, и треть населения «за», треть «против» и треть не определилась – где-нибудь в Запорожье.

Но ведь на этих территориях находились ещё и органы полиции, спецслужбы, располагались воинские части; работали, наконец, государственные органы, которые ни о каком сепаратизме даже не помышляли.

Непросто вообразить себе сплошную «русскую весну» на таком пространстве. Это не Приднестровье и не Абхазия – это колоссальные пространства, на которых можно смело затевать столетнюю войну, и она продлится всё столетие без обеденного перерыва на перемирие.

По сути, это целая страна, где стремительно нужно ставить таможи, пропускные пункты, сменить основной управленческий состав во всех государственных учреждениях, посадить сотни новых чиновников, руководителей служб и спецслужб, отладить работу сотен и тысяч механизмов взаимодействия, стремительно перезапустить экономику...

Хаос был неизбежен. Остановить его возможно было лишь по большевистским лекалам: не просто вводом войск, а жесточайшим террором, бомбёжками, конными атаками, чистками.

Всё это невозможно было удержать даже в самых загребущих руках.

Не говоря о, мягко говоря, ограниченных, с точки зрения общепринятых мировых норм, возможностях перехода этих земель в суверенное состояние или, тем более, под ведение России.

Подобные процессы могут опираться по большей части на стихийную волю масс – желательно в сочетании с распадом властных государствообразующих структур и армии.

Однако, как мы знаем, на Украине столкнулись воли разнородные по качеству и противоположные по устремлениям – одни устремились в Россию, вторые в Европу. На счастье вторых и горе первых, пришедшие ко власти в Киеве люди оказались, при всей своей специфичности, крайне амбициозными и совершенно беспринципными, а потому готовыми к принятию любых, в том числе откровенно антигуманных решений.

И здесь началось противостояние сил, где первые, настроенные на возвращение в Россию, заведомо должны были проиграть вторым, настроенным на нечто противоположное.

За вторыми стояла государственная машина, имеющая тысячи и тысячи возможностей карать, давить, сажать и убивать – и не быть за это наказанными. За ними стояли колоссальные финансовые возможности.

Первые не могли выиграть ни при каких условиях.

* * *

Как-то у Захарченко была свободная минутка, и я попросил его рассказать, как всё было – его глазами – по порядку.

– Всё по порядку, – повторил он, и тут же начал рассказ, одновременно разыскивая глазами на столе, куда положил пачку сигарет. – Когда начался Майдан, Донецк в очередной раз смеялся над Киевом. Это была украинская традиция: каждую осень скакать на Крещатике. Поэтому наш город как работал, так и работал. Ну да, они там прыгают и хотят в ЕС, а мы хотим в Таможенный союз. Надеялись, что будет референдум по этому поводу. Никто не ожидал, что так всё произойдёт. Но когда начались столкновения с «Беркутом», народ здесь начал понемногу активизироваться.

– А где вы были, чем занимались в этот момент?

– У меня был свой бизнес, им я и занимался. Осознание у меня появилось тогда, когда я поговорил с теми, кто вернулся с Майдана. Вот тогда меня это начало тревожить.

– А кто оттуда возвращался?

– Наш «Беркут»: многих из них я лично знал, и они рассказывали, что там действительно происходило.

Но сдвиг у меня произошёл даже не от этих разговоров. В один прекрасный зимний вечер я сидел дома, за ноутбуком, и наткнулся на выступление главы харьковского «Оплота» Евгения Жилина – ролик под названием «К нам пришла война». И меня поразила одна вещь: когда «отец» польский или греко-униатский призывает огнём и мечом выжечь Донбасс. Избивают «Беркут», горят дома... Я этот ролик просмотрел раз десять. Я вообще редко пью один, но в этот вечер я выпил три бутылки водки. Я посмотрел и вспомнил своего деда, вспомнил своего прадеда, в общем, во мне всё перевернулось.

Я выезжал в Черкассы, в Харьков два раза ездил: когда там штурмовали администрации. В Запорожье тоже был. Если вкратце: я вскоре разочаровался в движении, которое занималось захватом административных зданий: бейсбольные биты, прочее. Не то.

Рванул на Киев. Попал уже на финал всего этого действия – был февраль, точно не помню, какое число – 10-е или 11-е – и мы там простояли дней восемь. И, когда Янукович всё сдал, в ночь на 22-е мы ушли, потому что уже было опасно в Киеве оставаться. И на самом деле еле спаслись.

«Тот человек, или те люди, – подумал я, – которые упустили тогда Захарченко со товарищи: как им теперь хочется укунить свой локоть».

– У вас там уже была своя команда? – спрашиваю.

– Было очень много донецких. Я пошёл в Мариинский парк, там из Донецка, из Макеевки ребята уже стояли. То есть отдельной команды не было: знакомились на месте, и первый костяк ячейки противостояния сформировался со мной в Киеве. Последний из их числа недавно умер, Лёха Титушка.

– То есть... все погибли?

– Да. Последним умер Лёха. У него было ранение в ногу, началось осложнение, он не просил ничего, даже не обращался к врачам. Заражение крови – и скончался. После ранения три месяца пожил и не вытянул пацан.

...Когда мы уезжали из Киева, и по нам стреляли из боевых автоматов, из настоящего боевого оружия, я понял, что это всё смешно, чем мы вооружены: травматические пистолеты, цепи, кастеты. И я, наверное, был тогда более радикален, чем все остальные.

Я уже тогда предлагал брать в руки оружие и заниматься настоящими мужскими делами, которыми уже занимались на той стороне... Раскол был, мне в ответ кричали, что это преждевременно. Вернувшись, я создал свою ячейку и назвал её «Оплот Донбасса».

* * *

6 апреля 2014 года в Донецке прошёл очередной митинг, переросший в шествие к зданию администрации. В 14:50, после короткой стычки, было взято штурмом здание областной власти, а на нём водружены российские флаги.

Возле здания начали возводить баррикады.

В одном популярном украинском блоге я, с внутренней ухмылкой, прочитал в тот день: «Алё, донецкие. Хватит одного Майдана. Быстро за работу».

Захарченко говорил про этот самый апрель – что он тогда ещё не был злой.

7 апреля в здании Донецкой ОГА² были оглашены Декларация о суверенитете ДНР и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой народной республики.

Тогда же, 7 апреля, активисты пытались взять администрацию в Днепропетровске – но неудачно: в ряды активистов были заранее введены люди украинского бизнесмена Игоря Коломойского.

В тот же день Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами Украины Александр Турчинов объявил о начале антитеррористической операции в отношении людей, занявших административные здания в Донецке, Луганске и Харькове.

На 8 апреля украинские силовики запланировали штурм Донецкой ОГА.

Донецкий «Беркут» отказался выполнять приказы. Но кроме «Беркута» имелось ещё и спецподразделение «Альфа».

9 апреля глава МВД Украины Арсен Аваков сказал, что ситуация в регионах с режимом Антитеррористической операции (АТО) имеет два варианта решения – политический и силовой, – и разрешится в течение 48 часов.

Такие высказывания надо складывать в копилку и время от времени извлекать, смотреть на свет, перебирать в пальцах.

10 апреля на странице Павла Губарева в соцсети появилось сообщение: «Молния! Штурм Народного совета ожидается в ближайшие 3–4 часа! Все к зданию Народного Совета!»

Будущий глава ДНР Денис Пушилин объявил о создании народной армии ДНР.

– ...Зарыто было много чего, – спустя два года рассказывал мне Захарченко, чуть посмеиваясь. – И самое интересное, что зарыто было не только у меня. В эту ночь, подозреваю, с пол Донецка ходило на огороды с лопатами и копало. Выкопали и ППШ, и «шмайсеры», и всё что хочешь. На углах утром стояли немецкие пулемёты. Утром 10-го числа Донецк был не вооружённый, а 11-го числа вооружены уже были все.

– Можно предположить, что и с той стороны – на Вольни, во Львове – тоже отрывали что-нибудь, когда события были у них?

– Я на Майдане видел СКСы. Причём охотничьи СКСы. И ещё видел две винтовки: одна СВД, другая – австрийская снайперская. Это всё, наверное, туда завезли влиятельные сторонники Майдана. Если бы люди отрыли винтовку Мосина, это было бы заметно... Мне кажется, они начнут рыть, когда их самих начнут кошмарить.

Боевое противостояние в Донецке должно было начаться уже тогда, но – не началось.

11 апреля руководство спецподразделения «Альфа» в Донецке отказалось выполнять приказ вице-премьера Украины Виталия Ярёмы о штурме здания Донецкой ОГА.

– Я пошёл по пути качества: у меня было хорошо слаженное боевое подразделение, – говорит Захарченко. – На тот момент, в той ситуации – отлично вооружённое, потому что у нас из 57 человек у 43 были автоматы. У нас были пулемёты, снайперские винтовки, РПГ: всё, что необходимо разведроту, мы имели. Мы были слажены, разбиты на отделения, которые имели своих командиров. Почему «Альфа» не пошла на штурм? Потому что заранее, понимая, что утром будет штурм, я показательно завёл внутрь своё подразделение с развёрнутым знаменем, с расчехлёнными стволами. Все видели, что мы вооружены. Я ещё и взрывчатку туда взял: короче, усиливал оборону здания. «Альфовцы» потом сказали, что побоялись больших потерь. Причём они понимали, что нас сломят – всё-таки они специалисты – но потери среди наступающих были бы слишком ощутимы...

Это был важный день.

Если украинская власть когда-нибудь начнёт подсчитывать свои ошибки, искать те дни, когда могло случиться всё иначе – то вот один из них. 11 апреля бойцы «Альфы» после кровопролитного боя могли взять ОГА, и убить Александра Захарченко.

² Областная государственная администрация.

* * *

12 апреля, в субботу, в Донецке была взята областная прокуратура.

В тот же день на территорию Донецкой республики вошла группа бывшего полковника ФСБ (был уволен в запас в марте 2013 года) Игоря Стрелкова – 52 человека доехали на автобусе в город Славянск, где захватили гороотдел милиции и СБУ.

Потом прибыло ещё шестеро.

Среди этих 58 был будущий легендарный командир Арсен Павлов – «Моторола».

Поначалу бойцов Стрелкова приняли за «вежливых людей» – представителей российских спецслужб; но вскоре выяснилось, что это всего лишь отряд добровольцев, в основном – из Украины (в том числе, например, из Киева); граждан России среди них было всего 9.

Зашли они с территории России; рассказывали, что спонсировал экипировку и вооружение этой группы российский бизнесмен Константин Малофеев. По другим данным, это была инициатива крымских управленцев и бизнесменов. Сам Малофеев, по крайней мере, в личном разговоре со мной, отрицал какое бы то ни было участие в стрелковской операции.

Чьи бы деньги не были вложены в отряд Стрелкова – стоит напомнить, что идентичные действия тогда же предпринял украинец Игорь Коломойский, уже создавший к апрелю свои частные военные подразделения, в том числе – на основе «Правого сектора» (в чём позже признается сам Дмитрий Ярош – глава «правосеков»).

В тот же день, 12 апреля, восставшими был взят под контроль горотдел в Краматорске: инициаторами выступили местные жители – в основном ветераны войны в Афганистане, десантники и пограничники. Несколькими часами позже в Краматорск подъехали казаки и неизвестные люди в форме, завязалась перестрелка, на счастье, обошлось без жертв: вскоре выяснилось, что это не «Правый сектор», а свои. «Народное ополчение Донбасса» – так назвали себя прибывшие.

13 апреля противниками Майдана были взяты здания администраций в Енакиево, Красном Лимане, Горловке, Мариуполе.

С какого дня вести отсчёт этой войне?

С первого убитого из числа «Небесной сотни»? С первого убитого бойца «Беркута»?

С «самоустранения» Януковича, сбежавшего 21 января?

С захвата митингующими ОГА в Донецке 6 апреля?

Первая кровь на Донбассе пролилась 13 апреля: активисты местного антимайдана Рубен Аванесян и Валерий Долгих везли в Славянск амуницию и были обстреляны. Аванесян погиб, Долгих был тяжело ранен.

Семье погибшего Аванесяна стремительно набрали 30 тысяч гривен. Валерию Долгих на операцию – 100 тысяч гривен. Никто даже не догадывался, сколько ещё будет убитых и раненых.

14 апреля исполняющий обязанности президента Украины Александр Турчинов подписал указ о проведении АТО на востоке Украины. Официальное начало войны: этот день.

Тогда же, 14 апреля, ещё не зная, что в городе Стрелков со товарищи, так называемая самооборона Майдана – бойцы «Правого сектора» – проникли в Славянск. Возле церкви случилось столкновение, погибли двое, как их в Киеве уже начали называть, «сепаров».

15 апреля Арсен Аваков выложил указ Турчинова о начале АТО на своей странице в фейсбуке и приписал: «С Богом!»

В тот же день, 15 апреля, одна из мобильных групп отряда Стрелкова расстреляла машину киевской «Альфы», двигавшейся в сторону Славянска. Теперь появились погибшие и со стороны Киева.

16 апреля «Оплот Донбасса» во главе с Захарченко решил взять под контроль Донецкий горсовет. В этот же день горсовет собирались захватить люди олигарха Рината Ахметова, игравшего свою игру на сломе интересов меж Москвой и Киевом.

Узнав о намерениях Ахметова, Захарченко отреагировал молниеносно: и опередил Ахметова.

Уже из здания горсовета Захарченко и его товарищи выдвинули требование Киеву: признать законным референдум о выборе статуса Донецкой области. Референдум назначили на 11 мая.

После горсовета подразделение Захарченко взяло под контроль телецентр.

– Когда я взял телецентр, – рассказывал он, – это было единственное здание в Донецке – в этом сами спецназовцы признались мне, – к которому они побоялись бы подходить. Телецентр был настолько грамотно заминирован и так грамотно выставлена оборона, что они понимали: в случае штурма у них будут огромные проблемы. У меня было три линии обороны, три линии минных полей, мины-ловушки, замки минные: там всё было расставлено с умом. Они бы не прошли. И они не пошли.

17 апреля в самом Донецке случился первый бой: «сепары» попытались захватить часть внутренних войск МВД, началась перестрелка, погибшие были с обеих сторон.

Всякий, кто посетует на незаконность и, более того, негуманность происходящего, при минимальном размышлении сможет догадаться, что в Донецкой и Луганской областях началось, а вернее сказать – продлилось ровно то же самое, что и почти всю зиму происходило на Майдане, а затем в других городах Западной Украины, где захватывались милицейские части и оружейные склады.

Всякий не признающий этой элементарной картины – фарисей.

Донбасс всего лишь стремительно обучался на чужих примерах борьбе за собственную свободу. Просто представления о свободе в разных частях Украины оказалось диаметрально противоположными.

19 апреля под Славянском восставшими были разоружены 26 сдавшихся в плен десантников 25-й аэромобильной бригады ВСУ.

20 апреля на блокпосту Былбасовка возле Славянска произошла стычка с бойцами «Правого сектора», пытавшимися прорваться на четырёх джипах на стратегическую гору Карачун. Погибло трое ополченцев и один из бойцов «Правого сектора». Два джипа сгорели.

24 апреля украинские силовики выбили восставших из горсовета в Мариуполе. (Но ситуация там ещё не раз изменится.)

В тот же день на окраине Славянска ВСУ захватили три блокпоста. (И позже их оставили.)

1 мая, после очередного митинга в Донецке, восставшие (в основном, безоружные люди) пошли на штурм прокуратуры, которая по-прежнему подчинялась новой киевской власти, и оставалась последним органом власти, не подчинявшимся ДНР.

В результате часового противостояния с нацгвардией было 26 раненых с обеих сторон. Прокуратуру взяли. Флаг Украины, висевший над зданием, сожгли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.